

Н.В. Козлова

**«МИЛОСТЫНЮ ДАВАТЬ... В ГОСПИТАЛИ И В ДРУГИЯ
ТАКОВЫЯ ПОДОБНЫЯ МЕСТА»: ДРЕВНЕРУССКОЕ
НИЩЕЛЮБИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НОВОГО
ВРЕМЕНИ В ЗАВЕЩАНИЯХ КНЯЗЯ Б.И. КУРАКИНА (1727 г.)
И ГРАФА Г.И. ГОЛОВКИНА (1729 г.)**

N.V. Kozlova

**“TO GIVE ALMS... TO HOSPITALS AND OTHER
SUCHLIKE PLACES”: OLD RUSSIAN LOVE FOR THE POOR
AND THE CHARITY OF THE MODERN PERIOD IN THE
TESTAMENTS OF PRINCE B.I. KURAKIN (1727)
AND COUNT G.I. GOLOVKIN (1729)**

Аннотация. В первой четверти XVIII в. по инициативе Петра I создается система военно-госпитальных учреждений и поощряется их организация частными лицами. Этот призыв нашел отклик среди чиновной знати и воплотился в завещаниях известного петровского дипломата князя Б.И. Куракина (1727 г.) и первого российского государственного канцлера графа Г.И. Головкина (1729 г.). В подробном регламенте, приложенном к завещанию, Б.И. Куракин прописал не только штат служителей госпиталя, который наряду с церковью следовало построить в Москве, состав выдаваемой инвалидам и персоналу пищи и одежды, но и уклад их жизни. Определялась также сумма, необходимая для строительства и содержания московской больницы-богадельни, и источник ее обретения, в том числе за счет процентов с капитала, размещенного в заграничных банках. Г.И. Головкин в своем завещании также описывает главным образом то, как следует содержать больничную церковь и госпиталь в серпуховском Высоцком монастыре, где покоился прах его родителей и где он наказал похоронить себя. Впервые осуществленное сравнение текстов двух завещаний в части, касающейся благотворительной деятельности, высветило как общие черты древнерусского благочестия, присущего этим представителям политической элиты петровского времени, так и различия в проявлении усвоенного ими

* *Козлова Наталия Вадимовна*, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozlova Natalia Vadimovna, Doctor in History, Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7- 495-939-54-40; kozlova.n.v.i@gmail.com

европеизма. Сознание и государственного канцлера Головкина, не покидавшего Россию, и князя Куракина, в соответствии с характером службы значительно более европеизированного, по-прежнему определялось религиозным мировоззрением. Проявлением его была забота о поминальных службах и храмостроительство. У Куракина они дополнялись перепоручением взятого на себя перед иконой Николая Чудотворца обета, угрозами Страшного суда и проклятиями в адрес наследника в случае невыполнения его воли. В обоих завещаниях церковная благотворительность и древнехристианское нищелюбие, характерные для древнерусского благочестия, сочетались с формами и целями благотворительности Нового времени. Ее воплощением стали обозначенные примером верховной власти рационально обустроенные больницы-богадельни.

Ключевые слова: политическая элита, госпитали, богадельни, духовные завещания, поминовение души, церковная благотворительность.

Abstract. In the first quarter of the 18th century, on the initiative of Peter I, a system of military hospital institutions was created and their organization by private individuals was encouraged. This appeal received endorsement from the bureaucratic nobility and was embodied in the testaments of the famous Petrine diplomat, Prince B.I. Kurakin (1727), and the first Russian State Chancellor, Count G.I. Golovkin (1729). In the detailed regulations attached to his last will, B.I. Kurakin not only delineated the structure of the staff of the hospital, which, along with the church, was to be built in Moscow, the composition of meals and clothing given to the patients and staff, but also outlined their way of life. Besides, the will designated the amount of money required for the construction and maintenance of the Moscow almshouse-hospital, and the source of its acquisition, including interest on capital placed in foreign banks. G.I. Golovkin's testament also mainly describes how to maintain the hospital church and the hospital in Vysotsky monastery in Serpukhov, where his parents' remains rested and where he bequeathed to bury himself. The unprecedented comparison of the texts of the two wills with regard to charitable activities has highlighted both the common features of Old Russian piety inherent in these representatives of the political elite of Peter's time, and the differences in the manifestation of the Europeanism they had adopted. The mentalities of both State Chancellor Golovkin, who never left Russia, and Prince Kurakin, much more Europeanized in accordance with the nature of his service, were still determined by their religious worldview. The latter manifested itself in the concern for memorial services and church building. In addition, Kurakin's will transferred the vow taken upon himself in front of the icon of Nicholas the Wonderworker to his heir, under the threat of curses and punishment on the day of the Last Judgment if the deceased's will had not been fulfilled. In both testaments, church benevolence and ancient Christian love for the poor, characteristic of Old Russian piety, were combined with the forms and goals of the charity of the modern period. Its embodiment were the prudently equipped hospitals-almshouses, initiated by the example of the supreme power.

Keywords: political elite, hospitals, almshouses, last wills, commemoration of the departed, church charity.

В Петровское время свойственный власти патрональный тип отношений с обществом отводил монарху роль Отца Отечества, обладающего неограниченными властными полномочиями над своим государством и подобно отцу семейства наставляющего своих подданных. При этом обозначенная верховной властью инициатива и предложенная ею же модель ее реализации в той или иной сфере общественной жизни становилась для подданных и, в первую очередь для политической элиты, своеобразным руководством к действию. Одним из подтверждений этому может служить организация богаделен-лечебниц представителями чиновных верхов России петровского и послепетровского времени. Практика создания таких «шпитален», зафиксированная в ряде духовных завещаний, ориентировалась на опыт организации на государственном уровне военно-госпитальных лечебных учреждений. Наряду с богадельнями они являли собой альтернативную форму древнехристианского нищелюбия, в допетровскую эпоху реализуемого в виде ручной милостыни, отныне запрещенной.

Отдельные примеры организации помощи раненым и больным воинам известны с начала XVII в. Первый приемный покой для раненых, по сведениям историка медицины Н.Я. Новомбергского, был устроен еще в 1612 г. монахами Троице-Сергиева монастыря¹. При царе Алексее Михайловиче в 1657 г. возникло что-то вроде временного военного госпиталя, развернутого вблизи мест боевых сражений. Началом же истории военно-госпитальных организаций Н.Я. Новомбергский считает 1678 г., когда на разных подворьях Москвы по почину правительства были размещены сотни солдат и стрельцов, тяжело раненных под Чигирином в период русско-турецкой войны. Для их осмотра и лечения привлекались не только полковые врачи, но доктора и лекари Аптекарского приказа, вольнопрактикующие и даже лекари из пленных².

В Петровское время идеи организации военно-госпитальных учреждений, которые в предшествующий период лишь были намечены, получили дальнейшее развитие и обрели новые формы. Они реализовались в системе постоянных («непременных») госпиталей. В 1707 г. для лечения больных и раненых военнослужащих, а также приказных служителей по указу Петра I в Москве на левом берегу р. Яузы под Немецкой слободой был открыт первый в России стационарный госпиталь, рассчитанный на 200 пациентов. При нем

¹ Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907. С. 287.

² Там же. С. 287–289.

имелась Медицинская школа, анатомический театр, аптека, сад и аптекарский огород³. Благодаря усилиям его директора лейб-медика Н.Л. Бидло госпиталь в Москве превратился в первоклассное лечебное и учебное заведение. В последующие годы по его образцу были созданы военно-морской (1715) и военно-сухопутной (1717) госпитали в Санкт-Петербурге, госпитали в Кронштадте (1720), Ревеле (1720), Казани (1722), Таврове (1724), Астрахани (1725), позднее в Архангельске (1733). Одновременно были организованы сотни полковых и гарнизонных госпиталей.

Средства на их содержание выделяла казна, привлекая различные источники финансирования. Использовались, например, сборы за написание венечных памятей о заключаемом браке, а также пошлины, собираемые с лиц, определяемых секретарями и дьяками в государственные учреждения⁴. Но и общество призывалось к организации учреждений призрения, а также поощрялась передача частными лицами денег в «госпитали и другия таковыя подобныя места»⁵. Инициатива верховной власти по учреждению госпиталей стала своеобразным примером, у которого нашлись последователи.

Об этом свидетельствуют духовные завещания двух представителей петровской политической элиты. Одно из них принадлежит видному дипломату князю Борису Ивановичу Куракину и было написано в Париже за два месяца до смерти в 1727 г., другое — первому российскому государственному канцлеру графу Гаврииле Ивановичу Головкину, составлено за пять лет до кончины в 1729 г. Оба завещания, различающиеся в деталях, схожи по смыслу и содержанию: они включают подробные указания наследникам относительно строительства церкви и при ней «шпиталя».

Обещание построить в Москве церковь во имя Николая Чудотворца и при ней госпиталь («шпиталь») князь Б.И. Куракин когда-то («пред многими годами») дал перед иконой этого особо почитаемого святого, стоявшей в часовне на Покровской улице при богадельне близ Ильинских ворот. За разными службами и долгим пребыванием на дипломатическом посту за границей Куракин не успел при жизни исполнить свой обет. О том, что это его угнетало и тревожило, свидетельствует настоятельное обращение к наследникам исполнить его обещание в точности под угрозой проклятия и

³ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 258–273.

⁴ ПСЗ-1. Т. V. № 2821; Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 г.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 240.

⁵ ПСЗ-1. Т. VI. № 3676.

ответа «пред престолом Божиим»⁶. Основная часть завещания графа Головкина также представляет собой записку о том, как следует в Серпуховском Высоцком монастыре, где покоился прах его родителей и где он наказал похоронить себя, содержать «больнишную церковь и шпиталь».

Завещание князя Куракина, опубликованное еще П. Бартеневым в 1893 г., известно давно, а завещательное письмо графа Головкина, а точнее его крепостная запись, опубликована недавно, и прежде в сочетании с духовной Куракина не рассматривалась. Не акцентировалось внимание и на подробности регламента, приложенного к завещанию Куракина, в котором князь детально прописал обеспечение постояльцев и персонала госпиталя. При сравнении двух текстов не только обрисовываются условия содержания инвалидов и бытовые подробности жизни в благотворительных учреждениях нового типа, но и возникает возможность высветить некоторые особенности характера и уклада жизни каждого из двух представителей петровской чиновной знати. Удастся также лучше понять переплетение в личностях эпохи черт традиционной русской культуры, базировавшейся на религиозном сознании, и культуры нового времени, формировавшейся под влиянием западноевропейских идей⁷.

В обоих завещаниях решается вопрос о судьбе служителей (у Куракина) и дворовых людей (у Головкина). По распоряжению князя все находившиеся в услужении люди по выдаче им «не в зачёт» годового жалованья отпускались. В свою очередь Г.И. Головкин лишь предоставлял возможность «людям», находившимся в его московских⁸ и

⁶ Духовная князя Бориса Ивановича Куракина // Русский архив. 1893. Кн. 1. С. 149–158. См. также: *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб., 2007. С. 152–153.

⁷ Обстоятельства возникновения крепостной записи завещания Г.И. Головкина, как уже рассмотренные при публикации текста, в данной статье не затрагиваются. См.: *Козлова Н.В.* «Завещаю детям моим... в Высоцком монастыре больницу с церковию по вышеписанному неотменно содержать». Крепостная запись завещательного письма графа Г.И. Головкина. 1734 г. // Исторический архив. 2020. № 1. С. 181–192.

⁸ Головкиным в Москве принадлежало несколько дворов. В Пречистенской части в районе церкви Воскресения Христова Старого находился двор, которым до 1714 г. владели граф Г.И. Головкин и его сын Михаил Гаврилович. Соседний двор принадлежал графу Александру Гавриловичу Головкину. Еще один двор у Гавриила Ивановича находился в приходе церкви свщм. Власия Чудотворца в Конюшках, недалеко от Арбата в Староконюшенном переулке. Г.И. Головкин как владелец этого двора назван не только в Переписи московских дворов 1716 г., но и в Переписной книге Москвы 1738–1742 гг., т.е. уже после смерти канцлера. См.: Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 33, 43; Переписная книга города Москвы 1738–1742 годов. Т. I. М., 1881. С. 33, 615.

санкт-петербургских домах⁹, возможность жить по их выбору за одним из сыновей, «а неволю их не брать». Эти указания в некоторой степени отражают разный уклад домашней жизни двух вельмож. В Москве, по словам князя Куракина, «ныне наших домов нет», а петербургский дом и заграничная жизнь петровского дипломата устраивалась служителями, находившимися на жалованье. Дворы же графа Головкина в двух столицах по обычаю наполнялись крепостной дворней, которую в отличие от кабальных холопов, обычно отпускаемых после смерти хозяина на волю, передавали наследникам.

Оба завещателя, как и полагалось в духовных, обеспокоились устройством своих душ и душ своих предков. Основным же средством успокоения души после смерти признавалась молитва о прощении грехов и душевном спасении умершего, молитва живых за мертвых. Гавриил Иванович предписал проводить в Высоцком монастыре «над гробами родителей» ежегодные поминальные службы. Их обеспечению служили ежегодно выделяемые денежные суммы и поставляемые продукты (церковное вино, пшеничная мука на просфоры и воск на свечи). Не забыты были и архимандрит с братиею, которым в качестве «корма» в сентябре и в январе посылались по три рубля и на стол вино, пиво, свежая и соленая рыба, пшеничная и ржаная мука, коровье масло¹⁰.

В духовной Б.И. Куракина эти сюжеты были прописаны более подробно и обстоятельно. Завещая похоронить себя в Чудовом монастыре «при ногах отца моего (князя Ивана Григорьевича. — *Н.К.*) и матери моей» (княгини Феодосии Алексеевны, урожденной Одоевской. — *Н.К.*), где также были могилы бабки княгини Ульяны Ивановны; первой жены Куракина княгини Ксении Федоровны Лопухиной (родной сестры царицы Евдокии Федоровны) и младшего брата Ивана Ивановича, князь Куракин предназначил в монастырь вклад в 1 тыс. руб. на ежегодное «поминование соборное дважды по каждом»: в день их тезоименитства и в день погребения «звать архимандрита, чтобы собором служил обедню и панахиду, и тот день на стол давать по пяти рублей, ... да по вся субботы посылаются кутыи

⁹ В Санкт-Петербурге Г.И. Головкин владел несколькими дворами. Канцлер упомянут уже в подворной описи Городского (Петербургского) острова 1713 г. в перечне 20 «важнейших распорядителей и царедворцев», владения которых располагались по берегу Большой Невы и Малой Невки. Двухэтажный каменный дом «великого канцлера» на набережной Большой Невы соседствовал с домами И.И. Ржевского, «князь папы» Н.М. Зотова, тайного советника П.П. Шафирово и сибирского губернатора князя М.П. Гагарина. На Васильевском острове в 1720-х гг. каменный трехэтажный на подвалах дом Г.И. Головкина находился на месте, где ныне стоит здание Академии художеств (дом № 17). В 1756 г. он был передан под театр Ф. Волкову. См.: *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений — застройка и застройщики. М., 2014. С. 226, 633–636, 640.

¹⁰ *Козлова Н.В.* «Завещаю детям моим...». С. 188.

в Чудов монастырь и по гривне на панахиду». Таким же образом следовало устраивать поминальные службы и по самому Борису Ивановичу, выдавая в Чудов монастырь в день его тезоименитства на стол по 10 руб., а в день погребения по 5 руб. «И сие имеет продолжаться неотменно во вся дни живота сына моего и его наследников и сукцессоров¹¹ дома нашего под заветом так твердым, чтобы не лишены быть моего благословения». Поминальные службы назначались также в Богоявленский, Ново-Спасский и Троице-Сергиев монастыри над прахом погребенных там родственников¹².

В этом контексте учреждение больниц и при них церковей являлось для Б.И. Куракина и Г.И. Головкина не только следованием примеру государя, при котором прошла почти вся их служба, но и проявлением традиционного древнерусского благочестия. Монастырская больница в Высоцком монастыре предназначалась графом Головкиным для 12 «братьев», обслуживание которых возлагалось на старосту, надсмотрщика, «у запасов» хлебника, и двух поваров; штат больничной церкви включал священника и дьячка. У князя Куракина, согласно завещанию, причт церкви, построенной «с всякою доброю архитектурою и магнificенциею¹³», составляли два священника, дьякон и пономарь, все (кроме пономаря) имели собственные покои и кабинеты. Индивидуальные «каморы» «с кроватью, столами, стулами и со всякою проприетою¹⁴» были и у 12 «шпиталистов». Особое внимание князь обращал на устройство «постели», они должны были быть так устроены, «как бы мне самому иметь». Из хозяйственных построек упоминаются теплый погреб и ледник.

Управление «шпиталя» вручалось комиссару, он же ведал закупками к столу провианта, а для приготовления еды в поварне состояли два повара и поваренок. Черную работу по дому и в саду, а также уход за убогими осуществляли 4 работника. Комиссару выделялись отдельные покои с кабинетом, а поварам, поваренку и работникам давали 3 покоя. «Каморы» должны были располагаться «в месте самом хорошем», быть с окнами, выходящими на улицу или в сад, и обставлены мебелью на европейский манер (стульями, столами, шкафами), «так, чтобы ноблеман были», т.е. по-дворянски. Такое обустройство личных покоев постояльцев было ориентировано на внешнюю репрезентацию социального попечения об отставных офицерах и предусматривало возможность принимать в них приезжающих «чужестранных». Текст завещания Б.И. Куракина, насыщенный словами италяязычной транслитерации, как и детально

¹¹ Сукцессор (successore, *итал.*) — преемник.

¹² Духовная князя Бориса Ивановича Куракина. С. 150–151.

¹³ Магнificенция (magnificētia, *лат.*) — великолепие, роскошь.

¹⁴ Проприета (propriet, *итал.*) — свойство.

обозначенные элементы быта и уклада жизни постояльцев госпиталя, свидетельствуют о том, что западноевропейская культура для петровского дипломата стала органичной частью его менталитета. Относительно внутреннего распорядка жизни «шпиталистов», людей старых или раненых, среди которых не должно быть молодых гуляк, «чтоб чинили дебошъ», Куракин предписал лишь обязательность ежедневного посещения церковных служб и определение во внутреннем «регуле» времени возвращения в «шпиталь» с прогулок.

Г.И. Головкин в своем завещании, не заостряя внимание на этих вопросах, подробно в деталях расписал продуктивное и денежное обеспечение больничных постояльцев, церковнослужителей и обслуживающего персонала. В росписи содержится перечень разнообразных продуктов: масла коровьего и конопляного, семени конопляного, муки или солода на квас, гороха, с точным указанием количества (в мерах сыпучих тел или веса) и цены каждого продукта с итоговыми подсчетами на 14 человек. К масленице выдавались по 100 яиц на каждого, в год по два осетра и по ведру вина на человека, с учетом воскресных дней и церковных праздников, а в январе каждому по рублю. В Рождественский и Великий посты к столу полагались соленья (капуста, огурцы, грибы, редька), летом же свежие огурцы и капуста. Для хранения хлебных запасов, рыбы, масла и прочих продуктов предусматривались кладовая и погреб. За сохранностью продуктов и выдачей их к трапезе наблюдал староста.

Так же подробно Головкин перечисляет одежду и обувь, полотнца и платки, выдаваемые постояльцам, посуду деревянную, медную и железную (для приготовления пищи) с точным расчетом стоимости в год на одного человека и итоговой суммы. Столь же детально он расписал, сколько привозить дров в две палаты и на поварню, сколько лучин, сальных свечей на зиму, сколько ежегодно в церковь поставлять воска на свечи, ладана, вина церковного и по какой цене, с неременным итоговым подсчетом.

В отличие от своего современника графа Головкина князь Куракин в общих чертах обозначил характер скоромной (мясо и птица), и постной (рыба свежая и соленая) пищи «шпиталистов» и служителей, а также питья — пиво, по праздникам и воскресным дням «вареные меды» и ежедневно перед обедом и ужином крепкое («двойное») вино «по нашему обычаю, по препорции», а для служителей-монахов — квас и «простое вино». Всей посуде и ложкам полагалось быть оловянными, предусматривались вилки и ножи. А в поставце в госпитальной трапезной должны были размещаться кумганы¹⁵, кружки оловянные и другая стеклянная посуда «доволь-

¹⁵ *Кумган* — металлический кувшин с носиком, ручкой и крышкой, для пива или кваса.

ное число»¹⁶. Одежду (кафтан летний и зимний, рубахи, платки, две пары башмаков, летом шляпа, а зимой шапка) следовало носить «до износу», лишь потом выдавалась новая. Подумал князь и о создании для церковников и постояльцев индивидуальных удобств. В каждом покое следовало иметь кумган с оловянной лоханью для умывания и по полотенцу («по долгой салфетке») для «утирания лица и рук», по два подсвечника медных, а также чернильницу. В штате госпиталя предусматривался также цирюльник, который бы «надзирал больных ... и лечил».

Годовой размер жалованья, и то приблизительный, Б.И. Куракин определил только для священников — по 15–20 руб., «а ежели дешевле можно сыскать, то и лучше». Остальным же, дьякону и прочим, «по препорции», а комиссару определить, чтоб было «пристойно».

Другого принципа, как и во всем, придерживался Г.И. Головкин. Он точно указал размер денежного вознаграждения священнику (10 руб.), дьячку (5 руб.), поварам (3–5 руб.), старосте (3 руб.), надсмотрщику (5 руб.). Мирским служителям, помимо денег, полагалось также платье и натуральные продукты (мука, крупа, соль, ветчина), всего на сумму в 32 руб. 14 алтын 4 деньги.

Завершала все перечисления и подсчеты следующая запись: «Всего священнику, и дьячку, и двенатцети братом, и четырем чело- веком сослужителем в год имется деньгами за все двести тринадцать рублей три алтына четыре деньги». Такая детальность и скрупулез- ность при определении не только статей расходов на содержание монастырской больницы с церковью, состава выдаваемой постояль- цам и персоналу пищи и одежды, но и точной, до деньги, стоимости каждого продукта и предмета с выведением общей суммы затрат, как нельзя лучше высвечивает образ первого российского канцлера. Современники и потомки по-разному характеризовали и оценивали его государственную деятельность и личные качества. Но абсолютно все, одни со снисхождением к слабостям великого человека, а другие и с едкой иронией, отмечали присущую графу скупость, делавшую его, по словам камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, похожим на Мольерова Гарпагона¹⁷. Скарედность канцлера тем более бросалась в глаза, что контрастировала с его огромным богатством, включавшим десятки тысяч крепостных крестьян, обширные земельные владения, Ка- менный остров в Петербурге, дома в двух столицах и подмосковный дворец в селе Коньково.

¹⁶ Духовная князя Бориса Ивановича Куракина. С. 157.

¹⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. Часть первая. 1721-й год. Изд. 2-е. М., 1858. С. 86; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. С портретами их. Часть первая. М., 1812. С. 180–181.

Однако на свою семью и родных граф Головкин-старший средств не жалел. При выдаче дочерей замуж он выделил им богатое приданое, исчисляемое десятками тысяч рублей, и вдобавок щедро награждал каждую в своем завещании, не обделив и 5-летнего внука Петра и незамужних внучек¹⁸. Имущественное состояние канцлера включало не только недвижимую собственность, но и крупные различные денежные суммы.

Любопытно, что деньги эти у графа хранились в «подголовнике», а также в большом сундуке, в отличие от князя Бориса Ивановича Куракина, который держал наличные средства в зарубежных банках. На устройство в Москве «шпиталя» и при нем церкви князь определил 20 тыс. руб., «а ежели того мало» — 30 тыс. руб. В отличие от графа Головкина, скрупулезно прописавшего цены и стоимость всех продуктов и статей расхода на больницу, Куракин, не вдаваясь в такие мелочи, на содержание госпиталя приказал сыну ежегодно выделять «из дому» князя 1600 руб. (в 7,5 раз больше, чем у Головкина), «также и припасов, по препорции, всяких». Этой суммой полагалось обеспечивать 12 дворян «или из других пород», «токмо бы из офицерства». За отсутствием таковых можно было принимать и солдат, но непременно «из шляхетства». Если возможно, то «надлежит прибавить шпиталистов столько, сколько можно теми помянутыми деньгами и припасами содержать будет во всяком довольстве». Точно определялся источник средств, необходимых для содержания московской больницы-богадельни. О нем становится известно из дополнения к духовной, в котором излагались некоторые нюансы использования процентов («интересов») с капитала князя в России и за рубежом.

Так, из имеющегося в Англии капитала в 11 тыс. фунтов стерлингов проценты («интерес») в размере 600 фунтов предназначались «к содержанию убогих»; из них половина суммы в 300 фунтов употреблялась «в чужестранных краех», а другую половину, что составляло около 1200 руб., следовало переводить в Москву в дом князя и употреблять на те же цели. Недостающие 400 руб. до назначенной им общей ежегодной суммы должен давать сын из домовых доходов. Наследник также обязывался выполнять все выплаты в определенном завещателем размере и «пристойное число припасов» в случае пропажи английского капитала или невозможности его перевода в Россию¹⁹. Как видно, постоянная жизнь за границей сделала для князя привычным использование европейских финансовых инструментов.

Анализ завещательного письма Г.И. Головкина наводит на мысль, что точные расчеты суммы, необходимой для содержания

¹⁸ Подробнее см.: *Козлова Н.В.* «Завещаю детям моим...». С. 188.

¹⁹ Духовная князя Бориса Ивановича Куракина. С. 154.

монастырской больницы и церкви, были им произведены не только в силу присущей ему бережливости, но и для того, чтобы подвигнуть наследников всё исполнить точно и содержать «без всякого умаления или убавки». Особенно убедительной должна была стать последняя фраза в завещании: «...ибо я столько нажил и вам оставляю, что сей вам убыток по моему завещанию невелик»²⁰. С этим утверждением государственного канцлера трудно не согласиться.

Итак, как и во многих других случаях, вектор социального при- зрения и формы его реализации задавались верховной властью. Примеры следования им демонстрируют духовные завещания представителей политической элиты петровского и послепетровского общества. В прилагаемой к ним Записке и Регламенте детально прописывались бытовые условия жизни призреваемых, размер их денежного содержания и обеспечения. Такая регламентация, характерная для законодательных установлений самодержавной власти, как следует из завещательных писем Б.И. Куракина и Г.И. Головкина, воспроизводилась и на уровне властных отношений внутри отдельных социальных общностей. Подробная детализация разных сторон внутренней жизни социальных учреждений, создаваемых по их повелению, была привычна для крупных землевладельцев-вотчинников, каковыми они являлись, и опиралась на опыт вотчинных инструкций, составлявшихся для вотчинной администрации и крестьян. В этом отношении к рассмотренным Регламенту и Записке по своему типу примыкает и Завет, или инструкция, написанная в 1713 г. «своею властною рукою» фельдмаршалом графом Борисом Петровичем Шереметевым. При устройении в своей слободе Борисовке женского Богородицкого Тихвинского монастыря он во всех подробностях прописал правила, по которым монахини должны были жить и управляться. Они касались не только порядка хозяйственной экономики, но и норм поведения «сестер»²¹.

Во же время Регламент князя Куракина и Записка графа Головкина при схожести общих черт имеют ряд отличий. Они отражают особенности характеров и свойств личности их авторов и рисуют большую или меньшую приверженность традиционному или европейскому укладу русской жизни²².

²⁰ См.: Козлова Н.В. «Завещаю детям моим...». С.

²¹ Шереметев С.Д. Богородицкий Тихвинский монастырь Курской губернии, основанный фельдмаршалом графом Б.П. Шереметевым. 1713–1913. М., 1914. С. 5–13. См. Также: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 26–27.

²² Больница, учрежденная по завещанию графа Г.И. Головкина, существовала и в начале царствования Екатерины II. Согласно описи Высоцкого монастыря, составленной при учреждении штатов в 1763 г., в ней находились 22 инвалида, отставные офицеры и рядовые. Причт больничной церкви во имя Похвалы

References

Gorchakov M. *Monastyrskiy prikaz (1649–1725 g.). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya* [Monastery Department (1649–1725). A Case of Historical and Legal Research]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1868. 452 p.

Kovrigina V.A. *Nemetskaya sloboda Moskvy i yeye zhiteli v kontse XVII — pervoy chetverti XVIII v.* [German Settlement in Moscow and Its Inhabitants in the Late 17th — First Quarter of the 18th Century]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1998. 440 p.

Kozlova N.V. “Zaveshchayu detem moim... v Vysotskom monastyre bol'nitsu s tserkoviyu po vyshepisannomu neotmenno sodержat”. *Krepostnaya zapis' zaveshchatel'nogo pisma grafa G.I. Golovkina. 1734 g.* [“I Bequeath to My Children... in the Vysotsky Monastery, at All Times to Maintain a Hospital with a Church according to the Above”. Title Deed of the Testamentary Letter of Count Gavriil Ivanovich Golovkin. 1734] // *Istoricheskiy arkhiv*. 2020. № 1. P. 181–192.

Nikolayeva M.V. *Sankt-Peterburg Petra I: istoriya dvorovladieny — zastroyka i zastroyshchiki* [Saint Petersburg of Peter I. History of Households: Buildings and Developers]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014. 1000 p.

Novombergskiy N.Ya. *Vrachebnoye stroyeniye v dopetrovskoy Rusi* [Building of Hospitals in Pre-Petrine Russia]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1907. 504 p.

Serpukhovskoy Vysotskiy monastyr' [Serpukhov Vysotky Monastery] // *Drevo. Otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya* [Drevo. Open Orthodox Encyclopedia]. — URL: <https://drevo-info.ru/articles/13631.html>

Sheremetev S.D. *Bogoroditskiy Tikhvinskiy monastyr' Kurskoy gubernii, osnovanny feldmarshalom grafom B.P. Sheremetevym. 1713–1913* [Virgin Tikhvin Monastery in Kursk Province, Founded by Field Marshal Count B.P. Sheremetev. 1713–1913]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1914. 336 p.

Sokolov A.R. *Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII — konets XIX v.)* [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction between Society and the State (Early 18th — Late 19th Centuries)]. 3rd ed. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007. 656 p.

Поступила в редакцию
10 января 2020 г.

Пресвятой Богородицы состоял из семи чел. Храм Николая Чудотворца в Москве на Новой Басманной и при нем богадельня для 15 престарелых офицеров-инвалидов войн были построены сыном петровского дипломата А.Б. Куракиным в 1742 г. Богадельня (Странноприимный дом) закрыта после революции 1917 г., а храм разрушен в 1930-х гг. См.: Серпуховской Высоцкий монастырь // *Древо. Открытая православная энциклопедия*. — URL: <https://drevo-info.ru/articles/13631.html> (дата обращения: 10.09.2019).